

РЕЦЕНЗИИ

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
МАТРИЦЫ
И СОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ**
(Размышления над книгой
С.Г. Кирдиной
«Х- и Y-экономики:
Институциональный
анализ» (М.: Наука,
2004. 256 с.)

В.Н. БОГУСЛАВСКИЙ

аспирант кафедры мировой экономики,
Ростовский государственный университет

КАКИХ БЫ доктрин ни придерживался экономист, анализирующий современную российскую действительность, ему всегда можно задать прямой вопрос: вы за «вчера» или за «сегодня»? Настоящий ученый, стремящийся к трезвому анализу ситуации, каковым является автор книги «Х- и Y-экономики: Институциональный анализ» С.Г. Кирдина, ответит, скорее всего, подобным образом: «Я за “завтра”, которое будет сочетать лучшее из того, что есть сегодня и того, что было вчера». Но определить так свою позицию гораздо проще, чем действительно избежать влияния собственного восприятия действительности на разрабатываемые концепции. Прошлое, уйдя и доказав свою нежизнеспособность, продолжает воспроизводиться в настоящем вплоть до будущего, где оно получит новый шанс стать настоящим, но уже в совсем другом виде, чем ожидалось даже самыми горячими сторонниками его возврата. Явно или неявно, различия в степени желаемого присутствия «вчера» и «сегодня» в «завтра» формируют теоретическое мировоззрение автора, на основании которого им выдвигаются гипотезы. Книга Кирдиной — попытка объективно примирить разные подходы посредством их диалектического синтеза, но и она не может скрыть оттенка мировоззрения автора. В этой связи можно привести мнение американского социолога Г. Блюмера, последователя одного из создателей теории «символического интеракционизма» Дж. Мида. Блюмер утверждал, что позиция автора неотделима от целей, которые он ставит перед собой. Смысл

социальной науки, которой, несомненно, является и экономика, не только в том, чтобы открывать скрытые законы, на основе которых можно воздействовать на социум и добиваться осязаемых результатов. С распространением знания об этих законах меняется социальная среда, и каждая новая публикация, каждая высказанная мысль приводит к изменению системы, статическое состояние которой на определенном этапе было измерено. Иллюстрацией этому может служить возникший с некоторого времени феномен «инфляции ожиданий», когда экономические агенты поняли планы правительства воспользоваться своим правом выпуска новых банкнот с целью пополнения бюджета за их счет и стали закладывать умеренный уровень инфляции уже в свои цены, делая бесполезным применение «инфляционного налога».

По Блюмеру, в науке успех деятельности, который ею иницируется, является тестом эффективности концепции [2, р. 134]. В соответствии с последним утверждением, разработка новой организационной формы в рамках консультирования ФГУП «Росэнергоатом» могла бы считаться таким успехом в случае законодательного утверждения этой формы. А такое утверждение возможно только тогда, когда законодатели признают правильность парадигмы, лежащей в основе представленной Кирдиной теории.

Основная мысль, заключенная в концепции X-распределительной и Y-рыночной систем, — это дуализм, присутствующий в концепциях социально-экономического развития. В соответствии с подходом Кирдиной, дуалистический характер социально-экономических систем не позволяет применять к ним одинаковые меры по их реформированию. Россия в числе других стран принадлежит на основании данного подхода к совершенно иной группе стран, чем страны с развитой рыночной системой, и поэтому ее институциональная систе-

ма и институциональная система, например, США — в принципе несовместимы, хотя и признается, что для устойчивого развития этих систем необходимо взаимодействие комплементарных институтов из другого полюса. Такой подход действительно помогает объяснить российскую и иную реальность и предложить меры по повышению материального благосостояния членов той или иной социально-экономической системы на основе ее принадлежности к X- или Y-группам.

Холистический подход, лежащий в основе концепции Кирдиной, не ставит перед собой задачу выяснения социально-психологических параметров социума X- и Y-систем, они рассматриваются как универсальные данности. Лучше всего такой подход может быть выражен фразой: «Бытие определяет сознание». Методы экономической политики, основанные на этой парадигме, действительно результативны по отношению к настоящему моменту, так как предлагают принимать решения на основе не того «как должно быть», а «как есть на самом деле». В этом смысле теория институциональных матриц действительно способна объяснить и предсказать развитие событий в той или иной системе.

Практик, принимающий социально значимые решения, всегда сталкивается с дилеммой: принять ли решение, которое позволит получить результат в соответствии с текущим состоянием объекта регулирования, или попытаться изменить объект таким образом, чтобы в будущем можно было получить лучшие результаты, а в идеале — обеспечить самовоспроизводство новой, более эффективной системы. Действенность первого варианта зависит от правильной оценки существующей институциональной матрицы и надлежащего сочетания основных и комплементарных институциональных параметров. Действенность второго варианта более сомнительна с точки зрения стратегии достижения

кратковременных целей, и чаще всего он игнорируется в качестве альтернативы, если только не поддерживается на уровне официальной идеологии, определяющей и политику государства.

В настоящее время в большинстве стран мира официальной идеологией выступает идеология той группы стран, где преобладают государства с системой, названной Кирдиной Y-экономикой. Эта идеология связана с пропагандой расширения рыночных отношений как основы экономического прогресса. Но так было не всегда. Во время противостояния двух блоков и, как следствие, «холодной войны», две парадигмы боролись с равной силой. Обе применяли к странам, попавшим в их сферу влияния, меры воздействия, основанные на процессе, названном институциональным изоморфизмом (с. 160). И оба блока пользовались методами структурного воздействия, упуская из вида изменения, происходящие в социальной психологии населения в связи с применением экономических и политических макрорегуляторов. Очень редко ставился вопрос о социальной психологии населения, подвергающегося экономическим реформам. Предполагалось, что население реформируемых стран изменит свое сознание автоматически под действием структурных факторов.

Институты в действительности являются продуктом социально-психологических формаций, дуалистически классифицируя которые можно получить описание, сходное с представленным Кирдиной. С другой стороны, признание вторичности институтов по отношению к социально-психологическим установкам социума дает возможность глубже понять институциональные процессы, имеющие экономическое выражение. Не только бытие определяет сознание, обратное влияние также существует, но менее уловимо, поэтому игнорируется. Институциональный изоморфизм является не чем иным, как синтезом соци-

ально-психологических конструкций, выраженных в ценностях и нормах. Социальная психология экономического поведения общества, институты которого внедряются, вступает в синтез с местными социально-психологическими формациями.

Для объяснения этого процесса прием за аксиому существование двух основных побудительных мотивов социального поведения: альтруизма и эгоизма. Эти два мотива находятся в диалектическом взаимодействии друг с другом и выражаются, соответственно, обязанностями и правами по отношению к социуму. Сочетание наборов прав и обязанностей у различных групп населения определяет существующую социальную структуру. Движимый эгоистическим мотивом, каждый субъект стремится к расширению собственного пространства прав, или, пользуясь экономической терминологией, к максимизации собственной функции полезности. Более сложный механизм лежит в основе принятия новых обязанностей, которые должны уравновесить права, заключенные в сознании индивида, для того чтобы обеспечить устойчивость и развитие социально-экономической системы.

Существуют многочисленные примеры возникновения дисбаланса в результате процессов институционального изоморфизма, и понять их можно именно на основе предложенного социально-психологического механизма баланса прав и обязанностей. Например, даже в наиболее экономически отсталых странах Африки население быстро перенимает элементы потребительской культуры развитых стран, но гораздо менее охотно откликается на внедрение новых трудовых отношений [1, с. 146], на основе которых строится потребительская культура того, что Кирдина называет Y-экономикой. Во время моих путешествий в Индию я был свидетелем того, как в лачугах, которые трудно с точки зрения западного человека назвать жи-

лищами, дети играют на видеоприставках и пьют «Кока-колу». Их родители трудятся на промышленных предприятиях с массовым поточным производством, где в рабочем коллективе каждый знает свою касту, и директор цеха, например, не может считать себя в полном смысле начальником, если его каста ниже, чем каста некоторых подчиненных. Подобные процессы, хотя и в менее колоритном виде, но имеющие также свою специфику, происходят и в российском обществе.

Приведенные в книге Кирдиной аргументы, на основании которых Россия причисляется к странам с X- (распределительной) экономикой, относятся больше к прошлому, чем к настоящему времени. Зависимость ритма жизни населения от способа сельскохозяйственного производства и природных условий действительно влияет на социально-экономическое развитие страны, но это воздействие носит опосредованный характер через воспроизводство генерализованного образа поведения. Кроме того, с развитием цивилизации и модернизацией зависимость от этих факторов уменьшается и на смену им приходят новые, основанные, например, на индустриальных отношениях. Воздействие приводимых Кирдиной исторических и географических факторов выражается в определенной интерпретации символов, как-то: обмен, распределение, собственность, конкуренция, сотрудничество, труд, выгода — образующих базовые институты X- и Y-экономик (с. 90).

Указанное воздействие структурных факторов в процессе институционального изоморфизма постоянно меняется, и

его трудно контролировать. Трудности контроля за процессом интернализации ценностей, ассоциируемых с успешным экономическим развитием, возникают из-за того, что сознание элиты, осуществляющее направленное воздействие, в действительности само по себе в большой степени является продуктом социальной среды. Работать над своим личным восприятием действительности гораздо труднее, чем найти причины, по которым оно именно такое, и заключить, что «ничего с этим не поделаешь». Можно формально принять за основу социально-экономические отношения экономически развитых стран, для того чтобы соответствовать стандартам глобализации, но без изменения сознания невозможно добиться таких же результатов. Каждая страна, принимающая модель социально-экономического устройства, заимствованную, например, у США, автоматически не становится очередным ее штатом. Успех любого заимствования такого рода зависит от адаптации к местным условиям, хотя у реформаторов в условиях обострения политической борьбы, подобно России в начале 1990-х, далеко не всегда есть время на такую адаптацию. В любом случае, этот процесс в России начался, и теория Кирдиной идет в русле этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ксенофонтова Н.* Культурные традиции африканских народов в сфере трудовой деятельности // Вопросы экономики. 1993. № 8.
2. *Hammersley M.* The dilemma of qualitative method: Herbert Blumer and the Chicago tradition. L.: Routledge, 1989.